читается в Симеоновской летописи, Рогожском летописце, Новгородской IV и Софийской I летописях. Стилистические аналоги «Слову» содержит только текст HIVЛ. В HIVЛ сохраняется сюжет повествования, но вводятся стилистические добавления, являющиеся частично переделками «Повести о разорении Рязани Батыем». Анализируя таблицу сличений «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» и «Повести о разорении Рязани Батыем», предложенную Д. С. Лихачевым,[22] можно установить, что стилистическая переработка сводилась в основном к следующему: в «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» в отличие от источника наблюдаются ритмизация речи, ритмические и лексические анафоры, шире используется синонимия. Сравнительно с текстами повести в Симеоновской летописи и Рогожском летописце в HIVЛ включены отрывки, представляющие собой плач церкви и размышления автора и характеризующиеся отмеченными выше стилистическими чертами. Указанные стилистические особенности сближают «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем» в HIVЛ со «Словом о житии».

В HIVЛ под 1405 г. читается рассказ о преставлении митрополита Киприана, после которого идут горестные размышления автора о бренности человеческого бытия. В той же летописи под 1409 г. помещен рассказ о преставлении тверского епископа Арсения. При сравнении обнаруживается сходство указанных текстов с плачем Евдокии в «Слове». Кроме того, самая манера изложения материала в этих отрывках заставляет вспомнить среднюю часть похвалы в «Слове»; и в «Слове», и в приведенных текстах из HIVЛ мы встречаемся не с такими типическими для летописи формами изложения, как сообщение и описание, а с формой авторских рассуждений, для которых характерна отвлеченность мысли. В. П. Адрианова-Перетц отметила сходство плача Евдокии в «Слове» с плачем церкви пермской в «Житии Стефана Пермского».[23] Если мы сопоставим эти плачи с послесловием к рассказу о смерти митрополита Киприана и с плачем о епископе Арсении, то увидим, что все четыре текста обнаруживают сходство мотивов. Как можно объяснить это сходство? Одним из возможных объяснений является то, что все четыре текста ориентированы на хорошо известные древнерусским книжникам образцы. Таковыми могли быть стихиры: «Плачу и рыдаю, егда помышлю смерть и вижду во гробех лежащу и по образу божию созданную нашу красоту безобразну и безславну не имущу вида. Оле чудесе что еже от нас сие бысть таинство, како предахомся тлению, како припрягомся смерти»; [24] «И во гробы вникнем, где слава, где доброта зрака, где благоглаголивый язык, где брови... или где око... все прах и сен и тем же пощади всех нас».[25] Стихиры, повидимому, явились той канвой, на которой «сплели» свои узоры и Епифаний Премудрый, и авторы остальных текстов.

HIVЛ содержит вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича под 1399 г. Этот текст представляет для нас интерес, так как приписывается на основании стилистических особенностей Епифанию Премудрому.[26] Установить авторство Епифания на основании стиля представляется нам безнадежно сложным, так как вступление очень невелико. В «Истории русской литературы» отмечалось сходство вступления к рассказу о смерти кн. Михаила Александровича в HIVЛ и вступления

---

[22] Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века, стр. 12.

[23] В. П. Адрианова-Перетц, стр. 85.

[24] Стихира на субботу мясопостную. — В кн.: Стихирарь. М., 1893, стр. 4.

[25] Там же, стр. 5.

[26] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 246.